

ОБЛАКА

18.11.2014

В эфире программа «Облака»...

Это передача о заключенных, для заключенных и для всех тех, кому не безразлична их судьба.

Здравствуйте. У микрофона Ирина Новожилова.

В нашей стране уголовная ответственность наступает в 14 лет, а по некоторым преступлениям, с 16-ти. Тогда подросток уже может быть осужден и направлен в учреждение уголовно-исполнительной системы – воспитательную колонию. Но, как известно, правонарушения совершают и дети, которые еще не достигли 14 лет. И для этой категории правонарушителей существуют также учреждения закрытого типа под названием «спецшколы». Об их деятельности говорят и знают не много, об их проблемах знают, в основном, только специалисты.

Сегодня профессиональным сообществом и общественниками обсуждается ход реализации «Национальной стратегии действия в интересах детей», которая выполняется с 2012 года и рассчитана до 2017 года. Сама идея такого глобального «проекта», направленного на решение проблем детства в России, возникла как следствие того сложного периода, который переживало наше общество и государство в предыдущие два десятилетия. Рассказывает Ильсияр Ильдаровна Бахусова, педагог-психолог Республиканской общеобразовательной школы закрытого типа имени Галямова (г. Казань):

Современные родители – это родители, которые становились родителями в 90-е годы. То есть во времена, когда идет разрушение семьи, разрушение каких-то основ нравственности.. В те времена пошла свобода абсолютно без прав, без обязанностей это распущенность, все-таки в большей степени... У нас получилось - получили полную свободу, а что с ней делать, никто и не знал по большому счету. И вот эта молодежь – сейчас родители детей, которые сейчас обучаются в школе. То есть получилось - предыдущее поколение сломалось, оно не смогло пережить – наши родители...они не смогли перейти через эту перестройку. Мы, закаленные нашими родителями, еще как-то удерживали поколение. А вот уже наши дети, которые сейчас воспитывают своих детей в школе, многим было сложно удержаться потому что были времена, когда нечего было есть, когда нужно было думать, где найти работу, чтобы хотя бы чем-то обеспечить семью. И там уже было не до каких-то нравственных позиций, вот это вот упущение было очень сильным. Сейчас мы пожинаем его плоды.

Национальная стратегия действий в интересах детей и пытается определить те нравственные рамки, традиции, в которых должны работать общественность и школа. Было время, когда учителя гуманитарных и общественных дисциплин оказались полностью дезориентированы. Продолжает Ильсияр Бахусова:

Те, кто преподавал историю, те, кто преподавал литературу... ведь это такие предметы, жизненные, которые учат ориентироваться в обществе, правильной социализации, морали. Вот это вот все было у нас несколько утеряно. Поэтому, мне кажется, вот эта стратегия, она именно освещает направления, которые мы сейчас должны охватить.

В России существует 42 школы закрытого типа для детей, совершивших правонарушения, хотя сейчас наблюдается тенденция к сокращению их числа. Ильясир Бахусова работает с детьми, которые и сами наиболее пострадали вследствие болезненного периода развития нашего общества, и сами уже стали причиной страданий других – жертв их противоправного поведения.

К нам в школу попадают уже те дети, с которым не справилась ни семья, и в какой-то момент, видимо, потеряла школа. К нам направляются по постановлению суда за совершение общественно-опасных деяний, дети не подлежащие по возрасту уголовной ответственности, то есть от 11-ти до 17-18 лет находятся у нас дети.

Задачи, стоящие перед школой невероятно трудны. Это уже не просто задача воспитания, а скорее реабилитации, то есть восстановления утраченных ребенком социальных и прочих навыков, которые в обычных условиях формируются в раннем детстве, в том, периоде, который у этих детей уже закончился. Продолжает Ильясир Бахусова:

Если говорить с точки зрения педагога-психолога, все прекрасно понимают, что вообще ребенок уже сформировался до трех лет, то есть, все что он накопил, дальше идет как бы ювелирная обработка его, возможная... идет какая-то коррекция, может быть. Поэтому в нашу задачу не входит его сломать. Он уже сформированный, даже в 11 лет он пришел к нам, он уже человек, он уже какая-то личность. Если он всю жизнь видел ругательства. Если он всю жизнь видел пьяные разборки родителей, для него этого норма. А то, что мы начинаем ему говорить – для него это не норма. Поэтому здесь первый шаг – необходимо понять ребенку, что же все-таки есть правильная норма. Я не знаю, как дать этому определение, но на первых порах, мы – неправильные. То есть мы рассуждаем не так, как рассуждали его родители, не так, как рассуждали его уличные друзья, те, для кого они были авторитетом. Ведь если он рос среди них, значит то, что видел так, это правильно, он в этом вырос.

Ребенок волей-неволей впитывает те образцы поведения, которые демонстрируют ему родители. Если он постоянно видит-слышит оскорбления папы в адрес мамы, для него это становится нормой. И в спецшколе как раз и пытаются изменить его отношение к таким элементарным для большинства из нас вещам.

Когда мы говорим, что вообще-то можно жить по-другому, что это не есть правильно, когда родители унижают ребенка, унижают друг друга, не дают возможности развиваться тебе в каких-то других направлениях, ведь ты можешь это, можешь то – может ты плохо учишься, зато у тебя золотые руки, может ты спортсмен великий должен был бы быть. Когда вот эти вот аспекты им открываются, они начинают задумываться. Поэтому мы все время говорим, что школа, такая как наша, закрытого типа, это перекресток.

Некоторые считают, что спецшколы почти то же, что и тюрьма. На самом деле пока еще – это перекресток. И отношение к детям там другое, и задачи у школы – показать, что есть и другой путь развития, способ существования. Как бы высокопарно это ни звучало, в казанской спецшколе стараются открыть детям мир.

Наши дети ездили в Москву, наши дети ездили в Анапу, наши де бывают в театре, в цирке, наши дети участвуют во многих общегородских мероприятиях, мы их вывозим, хотя нам говорят: вы – школа закрытого типа. Но ребенок не может развиваться, если он не будет видеть рядом позитивных успешных сверстников. Вот на всех этих мероприятиях, на всех этих соревнованиях, где мы участвуем. Наши дети являются победителями. Мы дошли до всероссийского уровня по мини-футболу... Правда заняли второе место, ну и что? Причем там были уличные команды – они были сборными, а наши были от школы!

При этом в школе только два абсолютно здоровых ребенка – из 56-ти. И многие только здесь впервые прошли полное медицинское обследование. Сейчас в эту школу закрытого типа стали направляться и дети из коррекционных школ. И педагоги проходят переподготовку, чтобы получить те знания, которые им позволят учить детей по коррекционной программе. Но этого недостаточно. Для них необходима более специализированная подготовка. У микрофона Ильсияр Бахусова, педагог-психолог казанской общеобразовательной школы закрытого типа имени Галямова:

Есть еще одно «но»... проходят обучение в институтах повышения квалификации – да, мы проходим. Мы проходим как все в общеобразовательной школе. Но мы и считаемся общеобразовательной школой. Но для педагогов работающих в колониях, вообще в спецучреждениях закрытого типа нужны другие курсы. Во-первых, я не могу сказать, что все наши дети, даже если они не коррекционнщики, они могут успешно освоить программу – то есть тот стандарт, который нам дам. Ну, да, у нас наполняемость в классе до 10 человек – то есть 11 человек – класс уже делится. Но там настолько идет индивидуальная работа с каждым ребенком, чтобы его поднять, и чтобы он понял, что тот ярлык, который ему повесили в общеобразовательной школе, он просто ярлык. Что он может быть успешен, пусть он вот настолько будет успешен. Но этот успех надо заметить!

Успех учителей - это тогда, когда их ученики увидят свои, пусть незначительные успехи и почувствуют – я могу! Но проблема в том, что для этих детей уже упущен тот период особой чувствительности, когда детей «учат учиться» - то есть начальная школа.

Начальная школа, она, играя – учит учиться. А мы уже как бы должны продолжать – а у нас нет этого фундамента. Мы вот наши кирпичики... вынуждены в ускоренном порядке строить вот этот фундамент – обучать его учиться... Сидеть 45 минут для них тяжело, они никогда этого не делали. И когда педагог приходит в такой класс, он не всегда понимает, что у ребенка действительно болит голова, он не привык столько много сидеть, при этом он еще должен что-то слушать, что-то запоминать и ее и записывать.

Отсюда – вспышки агрессии и срывы уроков. Но с этим можно справляться, хотя и не всегда. Методы коррекции существуют, но это почти ювелирная работа.

Каждый ребенок...они ж не родились с этим...они ж все это приобрели... Вот когда все это приобретенное, весь этот мусор разгребешь, внутри, если еще не опоздали, все еще есть те качества, на которые можно опираться. Очень тяжело, очень тяжело. Но получается. Я считаю, что результат все-таки... хотя нас этим результатом почему-то ругают - я не понимаю почему – каждый четвертый ребенок фактически добровольно продлил срок своей реабилитации в спецшколе закрытого типа. Это значит, что он добровольно написал заявление, прошел комиссию, прошел суд, потому что здесь мы уже не уполномочены это делать. Это его решение – остаться в школе или не остаться, потому что по суду максимально, сколько он может находиться это три года.

Дети остаются, потому что понимают, что только в этой школе они могут закончить девятый класс и получить аттестат об образовании. Но не потому, что там это сделать

легко, а потому, что с ним там занимаются настолько индивидуально, как нигде больше не будут. Потому что здесь он начинает ощущать себя Человеком.

Вы слушали передачу Облака.

Всем привет.